

УДК 930.2

***РУССКИЕ ФИЛОСОФЫ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА
КАК КРИТИКИ МАРКСИЗМА***

Акименко Г. В.

*кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры психиатрии, медицинской психологии и наркологии
ФГБОУ ВО Кемеровский государственный медицинский университет
Минздрава России,
Россия, г. Кемерово.*

Аннотация. В статье рассматриваются различные подходы к исследованию марксизма в русской философии Серебряного века. Отмечается секулярный характер марксизма.

Ключевые слова: русская философия, Серебряный век, марксизм, Владимир Соловьев, Николай Бердяев, Павел Новгородцев.

***RUSSIAN PHILOSOPHERS OF THE SILVER AGE
AS CRITICS OF MARXISM***

Akimenko G.V.

*candidate of historical Sciences, associate Professor,
associate Professor of psychiatry, medical psychology and narcology
Kemerovo state medical University,
Kemerovo, Russia.*

Abstract. The article examines various approaches to the study of Marxism in Russian philosophy of the Silver Age. The secular nature of Marxism is noted.

Keywords: russian philosophy, Silver Age, Marxism, Vladimir Solovyov, Nikolai Berdyaev, Pavel Novgorodtsev.

Серебряный век – метафорическое название русской культуры рубежа XIX и XX веков. Это был наиболее плодотворный период развития русской философии, литературы, живописи, поэзии, музыки. Впервые в истории русское искусство стало авангардом европейского творчества. Поэтому довольно часто период Серебряного века называют поздним русским ренессансом.

В наиболее концентрированном виде атмосфера Серебряного века получила своё выражение в первые полтора десятилетия двадцатого века. Это был расцвет литературы русского модерна во всём многообразии его художественных, философских, религиозных поисков и открытий. Первая мировая война, Февральская буржуазно-демократическая и Октябрьская социалистическая революции отчасти провоцировали, отчасти формировали этот культурный контекст, а отчасти были спровоцированы и сформированы им.

Началом русской философии Серебряного века многие культурологи считают образование в 1897 году Философского общества при Санкт-Петербургском университете. Конец этого периода - 1917 год, время революционных потрясений. Членами этого общества являлись именно те представители интеллектуальной элиты России, которые внесли наибольший вклад в развитие философских идей своего времени. В их числе: В. Соловьев, А. Лосев, Н. Бердяев, С. Франк, Д. Мережковский, Н. Лосский, С. Булгаков, П. Флоренский, Л. Карсавин и другие выдающиеся умы, которые были авторами таких нашумевших философских сборников, как «Вехи», «Русская мысль», «Логос», [1]. Наиболее полные и гармоничные философские концепции смогли создать Николай Бердяев и Владимир Соловьев. Их творчество даже называют философско-религиозным Возрождением.

Так, одновременно с созданием этого общества один из самых влиятельных русских философов Владимир Соловьев написал свою книгу

«Оправдание добра», которая обобщает его как его философские взгляды, так и резюмирует основные идеи Серебряного века [8, 10].

Другая линия развития, проистекающая из оригинальных работ Маркса и Энгельса, имела совершенно иное отношение, как к философии, так и к науке.

Русская философия кон. XIX века - нач. XX вв. также обращалась к осмыслению марксизма в границах религиозного дискурса, однако принципиально в иной плоскости по сравнению с западно-европейским религиоведением.

Необходимо отметить, что революционная тема в русской культуре первой трети XX столетия рассматривалась в рамках эсхатологической и апокалиптической проблематики [9].

Николай Бердяев одним из первых оценил марксизм с позиции ограниченности в мировоззренческом плане. Он не мог принять марксистский детерминизм.

Бердяева называли философом свободы. Он высоко ценил достоинство и ценность отдельной личности. Как следствие было неизбежно, что Бердяев должен был попытаться дополнить релятивистскую этику и детерминизм марксизма.

По мнению Н. А. Бердяева, появление русского марксизма было обусловлено глубоким кризисом в кругах русской интеллигенции, изменившим сами основы их мировоззрения. Русский путь с характерным для него поиском высшей истины проявился амбивалентным образом: в виде нигилизма и апокалиптизма, что заложило основы «для смешений и подмен, для лжерелигий» [3]. В то время как русский атеизм демонстрировал апокалиптические признаки, русскому нигилизму были присущи «лжерелигиозные черты». Бердяев усматривал в этом явлении свойства «какой-то обратной религии» [5].

Марксизм, с точки зрения философа, не есть только наука и политика, он есть также вера, религия. И на этом основана его сила.

Русский марксизм нуждался в собственном мифе. С этой целью исконный миф о народе подвергся трансформации, превратившись в миф о пролетариате. В процессе этого мифотворчества произошло «отождествление русского народа с пролетариатом, русского мессианизма с пролетарским мессианизмом» [4].

Известные объяснения Н. Бердяевым русской революции вращались вокруг проблемы ее чисто русских корней, тем самым отвлекая внимание от преемственности между В. Лениным и основателями марксизма [1].

Философу не удалось дать интерпретацию большевизма как наиболее последовательной версии воинствующего марксизма. Его известные объяснения русской революции вращались вокруг проблемы ее чисто русских корней, тем самым отвлекая внимание от преемственности между Лениным и основателями марксизма [2].

Бывший марксист и будущий православный богослов Сергей Булгаков, развивал аналогичные идеи, но с другим акцентом. Подобно Бердяеву, он воспринимал марксизм как последнее слово в теориях прогресса XIX века и в то же время как суррогат религии - религию позитивизма, сочетающую сциентистские претензии со способностью придавать истории смысл. Таким образом удовлетворить неистребимую человеческую потребность [12].

Сергей Булгаков был наряду с Львом Шестовым самым старшим в той плеяде мыслителей начала XX века, которые восприняли наследие Вл. Соловьева и попытались построить философское мировоззрение, в максимальной степени «усваивающее» содержание христианского Откровения.

В отличие от Бердяева – или, по крайней мере, в отличие от Бердяева как автора «Социализма как религии» – он подчеркивал привлекательность этой «религии миллионов» и не пытался противопоставить ей религиозное «нейтральный» тип социализма [3]. Наоборот: на первом этапе своей эволюции к идеализму он продолжал ценить марксизм именно как учение с утопическим и эсхатологическим измерением, мощно привлекательное для «религиозно мыслящих атеистов».

Религиозно «нейтральный» эволюционный социализм Бернштейна представлял, по его мнению, деградировавшую форму марксистской мысли – «марксизм без крыльев» [6]. Как человек религиозно мыслящий, он не приветствовал такое развитие событий: марксизм без веры в «прыжок в царство свободы» был для него не интересен. И, как следствие, он пришел к выводу, что марксистское сочетание позитивистской науки с религиозным менталитетом оказалось неработоспособным, что наука перестала поддерживать веру в смысл истории и, что для спасения этой веры необходимо радикально отделить религию. Этот диагноз мотивировал его поворот к метафизическому идеализму и теистической религиозности.

Таким образом, религиозная философия Булгакова возникла, по крайней мере, частично, как реакция на бернштейнианский ревизионизм, то есть как реакция на кажущееся исчезновение марксистской религии, а не (как в случае Бердяева) на присущую ей ложность. Это не означает, что Булгаков был нечувствителен к внутренним противоречиям и морально неприемлемым сторонам марксистской «религии прогресса» [12]. Нет никаких оснований сомневаться в том, что он все больше осознавал их. Как и Бердяев, он был хорошо знаком с русской традицией критики идолопоклонства прогресса; он посвятил ему две важные статьи: одну о Герцене, другую об Иване Карамазове Достоевского. Но факт остается фактом: он написал эти статьи в первые два года нового века, т. е. в то время, когда его марксистская вера была уже разрушена Бернштейном.

Самым важным текстом Булгакова о марксизме была его брошюра «Карл Маркс как религиозный тип», впервые опубликованная в виде газетной статьи в 1906 году [2]. Это уже не было исследованием марксизма как лучшего примера чего-то более широкого, более общего - социализма как такового, или теория прогресса – но исследование идей и взглядов, характерных для одного человека - Карла Маркса. И это было задумано, как последняя попытка Булгакова свести счеты с мыслителем, оказавшим на него столь глубокое влияние в прошлом.

Карл Маркс, утверждал Булгаков, ни в коем случае не был привлекательной личностью. Любовь к ближнему, спонтанное сочувствие и сострадание к другим людям были ему почти неизвестны. Он был «диктаторским типом», движимым в основном негативными чувствами, такими как ненависть, гнев, зависть и презрение ко всем, кто осмелился с ним не согласиться. Следовательно, его полемический стиль был крайне агрессивным, оскорбительным, стремясь сокрушить противника и запугать его последователей. Он мыслил абстрактно, социологически и не понимал абсолютной ценности несводимой человеческой личности.

В анализе идей Маркса Булгаков опирался на свою интерпретацию марксизма как атеистической религии, глубоко враждебной теистической религии, особенно христианству. Новые элементы его интерпретации заключались в сосредоточении внимания на философских источниках мысли Маркса, на значении его ранних работ и на различиях между марксизмом Маркса и официальным марксизмом немецкой социал-демократии. Этот новый акцент стал возможен благодаря публикации Францем Мерингом некоторых работ молодого Маркса в 1902 году [1].

В сочинениях П. И. Новгородцева марксизм рассматривался в свете проблематики поиска общественного идеала. Философ обращал внимание на существующее противоречие между философией земного рая, которую проповедует марксизм, и моральной философией прогресса с лежащим в ее основании нравственным требованием бесконечного совершенствования. По его мнению, находясь внутри рамок истории невозможно преодолеть извечный антагонизм между идеалом и действительностью. Не считаясь с этими соображениями, марксизм стремился достичь абсолютного общественного идеала посредством относительного исторического прогресса. «Мечту о совершенном земном устройении людей они ставят во главу угла, делают из нее своего рода религию; и проводят они эту мечту до конца, до последнего

предела» [7]. Религиозные притязания марксизма, хотя и носили тотальный характер, изначально были утопичны.

Доказывая утопичность концепции общественного идеала Маркса, Новгородцев отмечает, что социологические представления о земном рае, по сути, соответствуют эсхатологическим мессианским учениям о грядущем «золотом веке», в результате чего переходят из области науки в сферу религии, превращаясь в предмет веры. «Вдумываясь в понятие абсолютно осуществленного идеала, мы должны сказать, что оно становится ясным лишь тогда, когда сочетается с верой в чудо всеобщего преобразования» [12]. Очевидно, что именно этот процесс подразумевали Маркс и Энгельс, когда говорили о «прыжке из царства необходимости в царство свободы» [7]

Философское наследие П. Б. Струве включает обширную полемику с марксизмом. Мыслитель задавался вопросом атрибуции марксизма [11].

Поскольку марксизм предстает неокolleктивистской моделью общества, подавляющего свободу личности, отдельный индивид, не приученный к личной ответственности, не может проявить религиозное отношение к Богу и ближним. По мнению философа, религия есть тактический маневр, «средство развлечь и отвлечь внимание, усыпить волю обездоленных к действию и борьбе», тогда как в реальности «социализм есть враг религии и ее правопреемник».

И все-таки в определенном смысле Струве был готов признать за марксизмом религиозный статус. «Социализм был религией. Он был верой в тысячелетнее царство, которое принципиально отличается от всей предшествующей истории [...]» [11]. Именно эта формальная религиозность, этот энтузиазм, прикреплявшийся к социализму, представлял себе, вопреки принципу эволюции, будущее общество не просто как усовершенствованное, или преобразованное, а как совершенное, или преображенное» [12].

Познакомившись с различными трактовками марксизма в русской философии конца XIX - начала XX вв., можно заключить, что анализ марксизма затронул многие извечные богословские темы (теодицея, образ Божий,

преображение человека и др.), что наглядно демонстрирует теоцентричность исследовательской парадигмы. Идеи русского национального мессианизма в различных философских трактовках получили широкий социальный резонанс и прошли длительное обсуждение в общественном пространстве, прежде чем марксизм адаптировал их под свои задачи.

Подводя итоги дискурса о религиозном статусе марксизма, следует отметить широкий спектр оценок от резко негативных до позитивных. При этом один и тот же автор подчас высказывал диаметрально противоположные суждения. Эта контрадикторность, неоднозначность в оценке действительно указывает на аномальный статус марксизма.

Таким образом, русские мыслители Серебряного века дали ценную, оригинальную критику марксизма, критику, отражающую специфический исторический опыт русской интеллигенции, в том числе ее стойкое предчувствие революции. Результаты их размышлений о марксизме заслуживают того, чтобы их знали и усваивали историки-интеллектуалы и все те, кто хочет лучше понять величайшую и опаснейшую утопию нашего века.

Библиографический список:

1. Абрамов, Ю.Ф. Проблема интеллигенции в России IX-XX века. Очерки историко-социального и философского исследования / Ю.Ф. Абрамов, Г.В. Акименко, Г.В. Логунова - Иркутский государственный университет (Иркутск). 1994.-125 с.
2. Аксельрод, Л. И. Против идеализма. Критика некоторых идеалистических течений философской мысли : сб. ст. / Л. И. Аксельрод. - М. : Государственное социально-экономическое издательство, 1933. 220 с
3. Бердяев, Н.А. Философия свободы / Н.А. Бердяев. Философия свободы. Смысл творчества. - М., 1989. С. 134.
4. Бердяев, Н.А. Философская истина и интеллигентская правда // Вехи. Сб. статей о русской интеллигенции. - М., 1909. 126 с.

5. Бердяев, Н.А. Самопознание. Опыт философской автобиографии. - Париж, 1949. С. 231.
6. Бердяев, Н.А. Философия свободного духа. - М., 1994. С. 128.
7. Новгородцев, П. И. Об общественном идеале. - М.: Издательство «Пресса», 1991. 176 с.
8. Порус, В.Н. В. Соловьев и Л. Шестов: единство в трагедии // Вопросы философии. 2004. №2. С. 148-159.
9. Русская идея / Сост. и авт. вступ. статья М. А. Маслин. - М.: Республика, 1992. 324 с.
10. Соловьев, В. С. Соч : В 2 т. М 1988. Т. 2. С. 746.
11. Струве, П. Б. Patriotica: Политика, культура, религия, социализм / Сост. В. Н. Жукова, А. П. Полякова; вступ. ст. и примеч. В. Н. Жукова. - М.: Республика, 1997. 234 с.
12. Хоружий, С. Русская философия. Малый энциклопедический словарь. - М., 1995. 320 с.

Оригинальность 80%